
Новокатолицизмъ и энциклика Пія X противъ модернистовъ.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ и характерныхъ документовъ правленія Пія X представляется, и думаемъ, что останется таковымъ и въ будущемъ, энциклика *Pascendi Dominici gregis mandatum* отъ 8 сентября 1907 г. Ни одинъ изъ предшествовавшихъ папскихъ документовъ не выражаетъ такъ ясно тенденціи, стремленія, умственный и душевный складъ преемника Льва XIII. XX столѣтіе предъявляетъ католицизму серьезнѣйшія задачи, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ его будущность, его будущее значеніе для запада. Въ XVI вѣкѣ римско-католическая церковь нуждалась въ радикальныхъ реформахъ, но эти реформы по небрежности папъ, управлявшихъ ею, совершались безъ нея, такъ что Лютеръ и Кальвинъ получили возможность отторгнуть отъ нея миллионы вѣрныхъ. Въ XX вѣкѣ въ лонѣ католицизма снова чувствуется необходимость реформъ; но ихъ желаютъ провести такъ, чтобы поборникамъ этихъ реформъ не приходилось-бы непременно отдѣляться отъ римской церкви. Хотятъ предпринять внутреннюю работу доктринальнаго и дисциплинарнаго очищенія, которое освободило бы римскую церковь отъ стѣснительной поклажи философскихъ и богословскихъ традицій средневѣковой схоластики и сдѣлало бы ее способной исполнять свое назначеніе въ обществѣ, которое, въ силу своихъ демократическихъ тенденцій, враждебно относится къ чрезмѣрному консерватизму духовенства. Большія учрежденія тоже переживаютъ періодъ ветхости, старческой слабости; тѣмъ не менѣе если онѣ сильны, онѣ могутъ укрѣпиться, обновить одряхлѣвшія части своего строенія, оставивъ не-

тронутыми его основанія. Многие, и многіе члены римско-католической церкви убѣждены, что ея основанія способны выдержать напоръ сильныхъ и дѣятельныхъ противниковъ; но чтобы избѣгнуть опасности обрушенія, слѣдуетъ уничтожить, сравнять съ землей тѣ старыя стѣны, которыя современная стратегія разбиваетъ однимъ пушечнымъ выстрѣломъ; необходимо, чтобы церковь вышла изъ своего пассивнаго состоянія небрежнаго созерцанія, пошла бы навстрѣчу къ народу, усвоила бы себѣ лучшія силы соціальной демократіи и доктринально и соціально обновилась. Реформистскій вопросъ и возникъ отъ этихъ именно стремленій.

Онѣ были еще нерѣшительны и неясны въ правленіе Льва XIII, который своимъ дипломатическимъ умомъ не безъ успѣха работалъ на пользу возстановленія соціального престижа, потеряннаго католицизмомъ. Католическіе реформисты молча ждали, чтобы завершилась новая эволюція католицизма. Въ такомъ сложномъ организмѣ какъ римская церковь великія перемѣны требуютъ многихъ лѣтъ, иногда цѣлаго столѣтія. Реформисты ограничивались задачей прокладывать дорогу этому обновленію католицизма усиленной научной работой, процвѣтавшей во Франціи и общавшей по всѣмъ признакамъ быть не менѣе дѣятельной и въ Италіи. Надежды ихъ укрѣпились, когда Пій X, вступивъ на папскій престолъ, провозгласилъ девизомъ своего правленія изреченіе апостола Павла: *instaurare omnia in Christo*, обновить все во Христѣ. Реформисты льстили себя надеждой, что новый папа хотѣлъ этими словами выразить возвращеніе къ традиціямъ простоты, чистой и плодотворной религіозности первыхъ вѣковъ христіанства и продолжали съ большимъ рвеніемъ свою работу.

Но ихъ постигло самое горькое разочарованіе. Пій X предполагалъ реформу не апостольскую, а средневѣковую. Возобновить все во Христѣ значило, по его мнѣнію, возстановить режимъ и методы, которые были въ силѣ въ церкви и обществѣ среднихъ вѣковъ, когда христіанство абсолютно господствовало надъ совѣстями. Случилось то-же, что и при началѣ правленія Пія IX. Этотъ послѣдній выказалъ склонность взять на себя инициативу либеральныхъ реформъ, и итальянскіе патріоты, увлекаясь иллюзіей, что онъ сталъ ихъ союзникомъ противъ Австріи и поборникомъ единства

Италіи, расточали ему похвалы, оды, восторженные панегирики. Но Пій IX скоро обманулъ быстро воспламеняющійся энтузіазмъ итальянскихъ патріотовъ, и папство стало центромъ оппозиціи противъ объединенія Италіи. Такимъ же образомъ первая энциклика Пія X возбудила надежды тѣхъ, которыхъ можно назвать либералами католицизма, которые надѣялись, что папа, вышедшій изъ народа, скромный по происхожденію, воспитанію и идеаламъ, дастъ сильный толчекъ ихъ дѣлу демократизаціи католической церкви, на которую низшіе классы смотрятъ, какъ на упорнѣйшаго врага ихъ соціальныхъ или скорѣй социалистическихъ стремленій. И реформисты католицизма говорили съ гордостью своимъ противникамъ католической церкви, возводящей на высочайшую вершину земного величія отпрыска бѣдныхъ крестьянъ, врага роскоши и пышности, привыкшаго жить съ народомъ, знакомаго съ его нуждами, страданіями, тревогами, воодушевленнаго желаніемъ помочь ему, облегчить его бѣдствія, способствовать его благополучію. Пій X сталъ такимъ образомъ прежде времени папой демократомъ, который въ безостановочномъ движеніи демократіи впередъ къ завоеванію политической власти, соединить въ одно церковь и низшіе классы, изъ среды которыхъ первобытное христіанство набирало своихъ самыхъ горячихъ, самыхъ многочисленныхъ и доблестныхъ членовъ.

Лишнимъ будетъ приводить исторію четырехъ лѣтъ правленія Пія X, чтобы доказать, какъ сильно ошиблись католическіе реформисты. Пій X выказалъ себя болѣе аристократомъ и болѣе абсолютнымъ въ правленіи, нежели Левъ XIII. И странное дѣло! Левъ XIII, происходившій изъ знатнѣйшаго рода, воспитанный въ идеяхъ почитанія наслѣдственныхъ привилегій дворянства, жившій всегда далеко отъ народа, но сознающій ту серьезную задачу, которую будущая побѣда демократіи возложитъ на церковь, серьезно заботился о томъ, чтобы дисциплинировать и вовлечь въ кругъ католицизма демократическія силы, и его энциклика *De conditione orbis* вызвала даже похвалы социалистовъ. Пій X же напротивъ кажется противникомъ демократическаго движенія. Идеаль его правленія—абсолютизмъ. Онъ строго придерживается догматическихъ принциповъ католицизма, въ особенности опредѣленныхъ на Ватиканскомъ соборѣ. Церковь

должна быть абсолютной монархіей, управляемой непогрѣшимымъ главою: „Авторитетъ Святаго Духа непосредственно дѣйствуетъ на духъ первосвященника. Онъ образуетъ, а не образуется духомъ вѣрующихъ; онъ ведетъ, не слѣдуетъ. Опредѣленія римскихъ конгрегацій связываютъ во имя Духа Святаго чрезъ посредство римскаго первосвященника, который становится причиной и правиломъ вселенскаго епископскаго единогласія. Единогласіе епископовъ не есть свободное единогласіе братьевъ или непринужденныхъ и независимыхъ отъ самой истины свидѣтелей, но единогласіе сыновей, послушныхъ ученію общаго отца“. Какъ общій отецъ, Пій Х требуетъ безусловнаго повиновенія всѣхъ дѣтей, могущихъ блестяще въ свѣтъ наукой, добродѣтелью, ревностью, одушевляемыхъ наичистѣйшими намѣреніями, жертвующихъ собою для церкви—все равно: ихъ главная добродѣтель должна быть подчиненіе папскимъ рѣшеніямъ и предписаніямъ и если подчасъ въ нихъ подымется желаніе сопротивленія во имя научныхъ изысканій или соціальныхъ требованій, то это робкое возраженіе есть дѣвольская гордость или развращенность ума и сердца. Въ римско-католической церкви только одинъ высшій судья научныхъ спорныхъ вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ вѣрѣ, разрѣшенія политическихъ и соціальныхъ вопросовъ, философскихъ и моральныхъ теорій. И такъ какъ рѣшенія этого судьи представляютъ непосредственное и неопровержимое выраженіе духа и воли Божіей, то не принимать ихъ безусловно то-же самое, что разрушать основы, на которыхъ покоится зданіе католицизма.

Отъ этого понятія о власти проистекаетъ въ Піи Х его сильная антипатія противъ модернизма, который именно стремится ограничить іерархическій абсолютизмъ римской церкви. И эту сильную антипатію Пій Х не скрылъ въ своемъ сердцѣ, онъ объявилъ еѣ всенародно въ не менѣ сильныхъ выраженіяхъ и такимъ образомъ довелъ дѣло до открытаго разлада между двумя партіями, которыя морально раздѣляютъ современный католицизмъ. Онъ вызвалъ борьбу на жизнь и смерть между традиціональнымъ, консервативнымъ элементомъ римской церкви, элементомъ, который, будучи врагомъ всего новаго, дрожитъ надъ сохраненіемъ остатковъ старыхъ привиллегій, и элементомъ либеральнымъ,—

папа сказалъ бы революціонернымъ—который, любя церковь и считая, что она находится въ опасности, хотѣлъ бы взяться за хирургическіе инструменты. Передъ нами два враждебныхъ лагеря, и вина или-же заслуга Пія X состоитъ въ томъ, что онъ ясно опредѣлилъ позиціи того и другого, отдѣлилъ пшено отъ плевель, опредѣлилъ съ большей точностью, что значить хорошіе католики и католики испорченные. Энциклика *Rasendi* представляетъ именно объявленіе войны Пія X, чтобы рѣшить духовнымъ оружіемъ великій споръ, вызывающій и поддерживающій внутренній разладъ въ лонѣ католицизма.

Энциклика направлена противъ модернизма, который мы упорно продолжаемъ называть новокатолицизмомъ. Дѣйствительно, трудно придумать терминъ болѣе странный и неудачный, какъ модернизмъ, для опредѣленія новыхъ направленій католической мысли. Самый мистическій и самый блестящій писатель модернистъ, эксъ-іезуитъ Георгій Тиррель замѣчаетъ, что этотъ терминъ приведетъ въ заблужденіе будущія поколѣнія: „Названіе либерализма могло бы имѣть болѣе ясное и продолжительное значеніе, но такъ какъ дѣло заключается въ томъ, чтобы смѣло отрицать истину и значеніе всего того, что все человѣчество считаетъ интеллектуальнымъ и моральнымъ прогрессомъ послѣднихъ вѣковъ, и торжественно утверждать, что почти все развитіе, происшедшее въ лонѣ церкви, ничто иное, какъ механическое извлеченіе изъ того, что въ нее было вложено, какъ въ тѣсный пакетъ, 2000 лѣтъ тому назадъ, то терминъ модернизмъ можетъ быть понятъ въ обратномъ смыслѣ, т. е. какъ вѣра во время, въ прогрессъ и созидательную и плодотворную эволюцію жизни. Считать настоящее болѣе богатымъ, болѣе старымъ и болѣе мудрымъ, чѣмъ прошлое, которое настоящее ассимилировало и превзошло—значило всегда во всякія времена объявить себя модернистомъ“¹⁾. Прибавимъ, что терминъ модернизмъ не вызываетъ никакого представленія о заблужденіяхъ, которыя онъ по энцикликѣ папы въ себѣ заключаетъ, а только о стремленіи жить согласно духу времени, не изолироваться въ обществѣ, къ которому принадлежишь. Поэтому эпитетъ новокатолицизмъ кажется намъ

1) Папа и модернизмъ, *Rinnovamento*, 1907, т. II, стр. 567—568

болѣе подходящимъ, потому что указываетъ, по крайней мѣрѣ, на главную задачу модернизма—обновленіе католицизма въ доктринальномъ, дисциплинарномъ и социальномъ отноше- ніи.

Энциклика не составлена папой, хотя и подписана имъ. Вообще всѣ важные документы римскаго престола работа богослововъ, скрывающихъ свою личность подъ анонимомъ, но которые рано или поздно получаютъ почетное вознагражденіе за свой трудъ. Левъ XIII приготовлялъ самъ весьма тщательно матеріалы для своихъ энцикликъ, затѣмъ довѣрялъ ихъ составленію довѣреннымъ лицамъ, послѣ чего самъ просматривалъ и выправлялъ поданную работу. Однимъ изъ его самыхъ усердныхъ сотрудниковъ въ составленіи энцикликъ былъ извѣстный богословъ іезуитъ, кардиналъ Камиллъ Маццелла. Энциклики Льва XIII имѣютъ такимъ образомъ характеръ личный и выказываютъ проницательность и обширность его ума; кромѣ того, непогрѣшимая литературная форма возвышаетъ еще ихъ достоинство. Энциклика противъ модернизма, по крайней мѣрѣ, что касается ея полемической части и изложенія модернистскихъ теорій, не принадлежитъ Пію X, который никогда не имѣлъ ни случая, ни времени, ни желанія заняться обзорѣніемъ модернистской литературы и выбрать изъ нея всё то, что пахнетъ ересью или новизной. Кто богословъ, авторъ энциклики—неизвѣстно и, можетъ быть, никогда не будетъ извѣстно, хотя и называютъ разныя имена. Тиррель того мнѣнія, „что документъ, вышелъ изъ подъ пера богослова, утонченнаго схоластика и необыкновенно свѣдущаго въ литературѣ, относящейся къ модернизму, и котораго онъ считаетъ руководимымъ только своими умственными категоріями. Его бы можно было принять за измѣнника ортодоксальнаго лагеря: манера, какъ онъ излагаетъ модернизмъ, такъ привлекательна для образованнаго ума, что чтеніе этой энциклики можетъ быть дѣйствительно опаснымъ для дѣтей этого міра“ ¹⁾. Нѣкоторые журналы приписываютъ составленіе энциклики бенедиктинцу о. Лоренцо Янсенсъ, автору неудобоваримаго и спутаннаго курса догматическаго богословія, шесть томовъ котораго вышло до сихъ поръ. Янсенсъ секретарь библейской комиссіи

¹⁾ Rinnovamento, 1907 г., II, стр. 568

и его богословскій курсъ представляетъ пространный комментарий къ Summa Theologica Томы Аквинскаго. Модернисты упрекаютъ его въ абсолютномъ невѣжествѣ относительно исторической и библейской критики. Карль Бриггъ, профессоръ богословской энциклопедіи при Union Theological Seminary of New-York (протестантъ) увѣряетъ, что манера Янсенса трактовать біблію настолько антинаучна и его употребленіе еврейскаго языка показываетъ такое глубокое незнаніе его, что ни одинъ истинный ученый не можетъ считать его способнымъ выразить какое бы то ни было мнѣніе по предмету еврейской науки, и одно его имя лишаетъ библейскую комиссію всякаго довѣрія“. Что энциклика, если и не о Янсенса, то все же составлена богословомъ — схоластикомъ, ясно доказываетъ ея методическое изложеніе, синтетическая обработка модернистскихъ теорій, сильныя выраженія по отношенію къ противнику и иногда странные аргументы для его опроверженія. Говоря странные, мы имѣемъ въ виду приведеніе въ энцикликѣ письма Григорія ІХ (1227—1241) къ профессорамъ богословія парижскаго университета. Въ энцикликѣ письмо обозначено числомъ отъ 7 іюля 1223 г., между тѣмъ какъ оно на самомъ дѣлѣ 1228 г., какъ доказываютъ модернисты, которые съ радостью замѣчаютъ, что составители энциклики не знаютъ даже хронологіи папскихъ посланій. Но эта хронологическая ошибка не важна въ сравненіи съ грубѣйшей ошибкой редактора энциклики, заключающейся въ томъ, что онъ примѣняетъ слова Григорія ІХ къ модернистамъ. Этотъ послѣдній пишетъ о нѣкоторыхъ богословахъ своего времени такъ: „Нѣкоторые изъ васъ, надутые какъ мѣхи духомъ суеты, стараются нечестивой новизной перейти границы, поставленныя св. отцами; склоняя къ философскому ученію рраціоналистовъ пониманіе божественныхъ страницъ, не на пользу слушателей, но чтобы похвастаться ученостью; обольщенные различными и чужими ученіями, они превращаютъ главу въ хвостъ и заставляютъ царицу служить служанкой. (Quidam apud vos, spiritu vanitatis ut utes distenti, positos a Patribus terminos profana transferre satagunt novitate; coelestes paginae intellectum..... ad doctrinam philosophicam rationalium inclinando, ad ostentationem scientiae, non ad profectum aliquem auditarum. Ipsi doctrinis variis et peregrinis abducti, redigunt caput in caudam, et

aucillae cogunt famulari reginae). Эти строгія порицанія Григорій IX обращаетъ именно противъ схоластиковъ, которыхъ упрекаетъ во введеніи раціоналистическихъ элементовъ въ христіанскую догматику. Энциклика-же Пія X превозноситъ схоластическую философію, въ честь которой приводится анаеема, изреченная Піемъ X въ его извѣстномъ Sullabus'ѣ противъ тѣхъ, которые утверждаютъ, „что методы и принципы, которые употребляли старые схоластическіе доктора при изученіи богословія, не подходятъ болѣе для нашего времени и для современной науки“. Такимъ образомъ приводится въ защиту схоластики текстъ, который въ сильныхъ выраженіяхъ порицаетъ схоластическихъ богослововъ парижскаго университета, и мадернисты правы, когда говорятъ, что приведеніе этого отрывка Григорія IX полно натуральной ироніи ¹⁾.

Энциклика представляетъ изъ себя сильную обвинительную рѣчь противъ модернистовъ и стилю ея чуждо спокойствіе стиля торжественныхъ опредѣленій вѣроченій; это раздраженный стиль богослова, въ сердитыхъ выраженіяхъ нападающаго на своего противника. Въ немъ изобилуютъ самые жестокіе термины и эпитеты противъ модернистовъ.

Противъ этихъ послѣднихъ употребляютъ выраженія, взятая изъ апостола Павла и изъ Дѣяній Апостоловъ: люди, которые говорятъ превратно, пустословы, обманщики, злые люди, вводя въ заслуженіе и заблуждаясь. Модернисты враги креста Іисуса Христа, которые совершенно новыми хитростями и уловками стараются сдѣлать тщетной оживляющую силу церкви и сдвинуть съ основанія, если только имъ удастся, самое царство Іисуса Христа... Подъ личиною любви къ церкви они, лишенные всякой твердой основы философскаго и богословскаго знанія, напротивъ, проникнутые всѣ ядовитыми ученіями враговъ церкви, выдаютъ себя безъ всякаго стѣсненія за реформаторовъ самой церкви и, выстроившись въ ряды, смѣло бросаются на самое что ни есть святое въ дѣлѣ Іисуса Христа, не исключая самой личности Божественнаго Спасителя, котораго они со святотатственной смѣлостью умаляютъ до степени простого человѣка.

---

¹⁾ Программа модернистовъ, отвѣтъ на энциклику Пія X, Римъ, 1908, стр. 120.

Модернисты самые смѣлые и самые радикальные враги христіанства. Согласно энцикликѣ, они прилагаютъ сѣкиру къ самому корню дерева вѣры, надрѣзываютъ его и вливая въ него ядъ, такъ что ничего не падаетъ отъ католической истины и стараются всю ее заразить. Чтобы достичь своей цѣли, они употребляютъ тысячу хитростей и уловокъ: чтобы ввести въ заблужденіе простодушныхъ, прибѣгаютъ къ притворству, къ смѣлости при утверженіи самыхъ смѣлыхъ ученій. И тѣмъ не менѣе всѣ эти нечестивцы, преисполненные хитрости, обмана, смѣлости, невѣрія, эти извратители и отравители христіанской истины, согласно той же энцикликѣ „ведутъ дѣятельнѣйшій образъ жизни, отличаются усерднымъ и сильнымъ прилежаніемъ къ ученію и въ большинствѣ случаевъ пользуются славой строгой жизни“. Причина ихъ развращенія, стало быть „гордость и упрямство, которыя подстрекаютъ ихъ къ презрѣнію всякой власти и всякаго обузданія и извращаютъ ихъ совѣсть“. Пій X увѣряетъ, что онъ сперва обращался къ нимъ съ мягкостью, потомъ поразили ихъ публичными наказаніями. Когда же ни кротость, ни наказанія не достигли своей цѣли, потому что модернисты „склоняютъ голову на минуту, но сейчасъ же вновь ее поднимаютъ съ большей гордостью“, онъ собралъ въ одинъ синтетическій перечень ихъ ложныя ученія, чтобы объявить ихъ католическому міру.

И дѣйствительно, энциклика содержитъ энергичный синтезъ теорій, разсѣянныхъ въ модернистской литературѣ. Модернисты рисуются въ ней самыми темными красками, какъ философы, вѣрующіе, богословы, историки, критики, апологисты, реформаторы.

Редакторъ энциклики обладаетъ, и самъ Тиррель это признаетъ, обширными познаніями по модернистской литературѣ, хотя, какъ часто случается въ пылу полемическихъ преній, часто преувеличиваетъ ученія модернистовъ и выводитъ изъ нихъ заключенія, которыя они сами никогда не осмѣливались или и не думали выводить. По энцикликѣ модернизмъ—переходъ отъ рационализма къ атеизму. Первый подрылъ историческія основы христіанства; но чтобы его совершенно раздавить, нужно подрывать также и догматическія его основы. Это задача модернизма, который, разрушая зданіе христіанскихъ догматовъ, представляетъ собою начало

соціального атеизма. Впрочемъ, энциклика ясно говоритъ, что для модернистовъ наука и исторія должны быть атеистичными.

Позднѣе мы вернемся къ доктринальному содержанию модернизма. Обратимъ теперь вниманіе на рѣзкость выраженій, употребленныхъ противъ модернистовъ. Ихъ утвержденія *наинелѣпнѣйшія*, ихъ критика *наиглупнѣйшая*; ихъ увѣренія *смѣлы* и *кощунственны*, ихъ усилія преобразовать церковь—*бредъ большого ума*; ихъ выраженія *вульгарны* и *тривіальны*, ихъ аргументы—*куча софизмовъ, настоящей бредъ, чудовищности*; ихъ теоріи *пагубны*, ихъ методы и доктрины *набиты заблужденіями*, способны не созидать, а уничтожать, не образовывать католиковъ, а завлекать католиковъ въ ересь и даже доводить до совершеннаго уничтоженія всякой религіи; ихъ рѣчь—*варварская*; ихъ система—*синтезъ всѣхъ ересей, сокъ и кровь всѣхъ заблужденій, какія только по отношенію къ вѣрѣ до сихъ поръ были утверждаемы, энцициализмъ* (гибельность), начало атеизма: ихъ система переполнена чрезмѣрными ошибками, ихъ учителя слѣпцы, ведущіе слѣпцовъ, надутые гордымъ названіемъ учености, фантазируютъ до того, что извращаютъ вѣчное понятіе истины и настоящее религиозное чувство“.

Не безъ основанія модернисты жалуются на необычайную рѣзкость выраженій, которыми папа поражаетъ ихъ съ высоты своей кафедры, выраженій столь сильныхъ, что наврядъ ли найдется другой папскій документъ, стиль котораго былъ бы столь язвителенъ, какъ этотъ.

Но Пій Х не ограничился объявленіемъ заблужденій модернистовъ. Онъ хотѣлъ поразить ихъ, такъ сказать, въ ихъ мыслящихъ и руководящихъ главахъ и вмѣстѣ съ анализомъ ихъ ученія онъ указываетъ на подходящія средства для искорененія этихъ плевелъ, посѣянныхъ опытной рукой въ виноградникѣ католицизма. Эти средства—не увѣщаніе, не убѣжденіе, не кротость. Пій Х убѣжденъ, что благоволеніемъ и снисходительностью нельзя достигнуть подчиненія модернистовъ, а можно только увеличить ихъ смѣлость. Поэтому онъ предлагаетъ примѣненіе понудительныхъ мѣръ, которыя могли бы посредствомъ страха возстановить дисциплину въ арміи, зараженной духомъ неповиновенія. Модернисты члены духовенства, несмотря на ихъ ученость, должны

за свою гордость быть назначаемы на самыя низкія и незначащія должности; юноши, выказывающіе модернистскія наклонности и гордый характеръ, должны быть исключены изъ духовнаго званія; въ основаніе духовныхъ наукъ должна лечь схоластика, несмотря на то, что Григорій IX называетъ схоластиковъ пустыми мѣхами; ректоры и профессора семинарій, зараженные модернизмомъ, должны быть удалены отъ своихъ должностей, также какъ и всѣ тѣ, которые хвалятъ модернистовъ, или уменьшаютъ ихъ вину, или критикуютъ схоластику, или отказываются въ подчиненіи духовной власти, или выказываютъ любовь къ новизнѣ въ изученіи историческихъ, археологическихъ, библейскихъ наукъ; или не занимаются духовными науками, предпочитая имъ свѣтскія. Философскіе и богословскіе дипломы будутъ выдаваться только тѣмъ, кто изучалъ схоластическое богословіе. Молодые священники не должны болѣе посѣщать курсы правительственныхъ университетовъ. Книги, газеты, журналы, благосклонно относящіяся къ модернизму—хуже непристойныхъ книгъ, потому что развращаютъ въ самомъ корнѣ христіанскую жизнь и потому должны быть изгнаны изъ семинарій. Книги, защищающія теоріи модернизма, должны быть торжественно осуждаемы епископами и не должно имѣть снисхожденія даже и къ тѣмъ, которыя снабжены *Imprimatur* омъ (разрѣшеніе духовной власти), потому что это разрѣшеніе можетъ иногда быть дано по небрежности, или чрезмѣрной добротѣ, или слишкомъ большому довѣрію къ автору. Епископы запретятъ католическимъ книгопродавцамъ продажу литературныхъ произведеній модернистовъ. Они должны будутъ дѣйствовать съ величайшею строгостью при разрѣшеніи печатанія сочиненій членовъ духовенства. Отдѣльныя епископскія куріи должны имѣть собственныхъ цензоровъ, дѣло которыхъ разсматривать сочиненія, которыя должны печататься. Авторы никогда не должны знать имени цензора, во избѣжаніе непріятностей для послѣднихъ въ то время, какъ они разсматриваютъ сочиненіе или въ случаѣ запрещенія его печати. Члены монашескихъ орденовъ не могутъ ничего печатать безъ двойной цензуры: цензора ордена и цензора епархіальнаго. Члены блага духовенства безъ разрѣшенія епископа не могутъ быть редакторами газеты или журнала. Что касается священниковъ корреспон-

дентовъ или сотрудниковъ, то епископы должны наблюдать за ними и, если замѣтятъ, что они проводятъ модернистскія идеи, запрещать имъ писать. Католическіе газеты и журналы будутъ имѣть опредѣленнаго цензора, который долженъ просматривать ихъ сейчасъ же по выходѣ изъ печати и, если найдетъ въ нихъ опасныя теоріи, тотчасъ же заставлять исправить ошибки. Конгрессы священниковъ вообще запрещены, исключенія возможны лишь въ рѣдчайшихъ случаяхъ, и на нихъ никогда не должно быть рѣчи ни о модернизмѣ, ни пресвитеріанизмѣ, ни о лаицизмѣ. На этихъ конгрессахъ авторитетъ епископовъ въ особенности долженъ быть неприкосновененъ. Во всѣхъ епархіяхъ должны быть открыты совѣты бдительности, которые будутъ собираться каждые два мѣсяца въ присутствіи епископа и съ обязательствомъ тайны. Эти совѣты должны внимательно слѣдить за признаками модернизма въ книгахъ и преподаваніи и стараться принимать подобающія мѣры для сохраненія цѣлости вѣры и духовенства. Не слѣдуетъ позволять въ печати разсужденій относительно мѣстныхъ благочестивыхъ преданій и реликвій. Кромѣ того, совѣтъ долженъ прилежно и усердно слѣдить за общественными учрежденіями и сочиненіями по социальнымъ вопросамъ, чтобы въ нихъ не прорывалось модернизма. Каждые три года епископы должны точно увѣдомлять римскую курію объ ученіяхъ, распространенныхъ среди священниковъ, въ семинаріяхъ и другихъ католическихъ учрежденіяхъ, и та же обязанность возлагается на начальниковъ монашескихъ орденовъ.

Послѣ опубликованія этихъ строгихъ мѣръ Пій Х объявляетъ неосновательнымъ утвержденіе тѣхъ, которые его называютъ врагомъ науки и прогресса цивилизаціи, и обѣщаетъ помощь и покровительство новому учрежденію, чтобы поощрить науку и всяческую ученость. Такимъ образомъ, заканчиваетъ папа, мы закроемъ ротъ тѣмъ, которые, называя римскую церковь отсталой, наталкиваются на опроверженіе на каждой страницѣ ея исторіи. Журналъ *Rinnovamento*, комментируя эти слова энциклики, иронически замѣчаетъ, Пій Х совершенно правъ и говоритъ святую истину; но что отнынѣ можно сказать съ полной истиной и не боясь согрѣшить противъ уваженія и почтительности, что къ

этимъ страницамъ исторіи ни въ какомъ случаѣ нельзя причислить энциклику Pascendi.

II.

Какъ приняли энциклику модернисты?.. Одни неохотно сложили оружіе и погрузились въ молчаніе и ожиданіе, не отрекаясь тѣмъ не менѣе отъ своихъ идей; другіе подняли знамя возмущенія, объявляя себя однако преданными сынами римско-католической церкви, твердо рѣшивъ остаться въ ней, несмотря на всѣ усилія желающихъ изгнать ихъ изъ нея. Первымъ результатомъ энциклики было то обстоятельство, что значительная часть католической печати покончила свое существованіе. Трактовать современные вопросы, доктринальные или соціальные, безъ того, чтобы не быть заподозрѣннымъ въ модернизмъ, дѣло слишкомъ трудное. Во Франціи послѣ Syllabus'a и энциклики Пія X три лучшихъ журнала съ модернистскими тенденціями прекратили публикацію: ліонскій Demain, Quinsaine и Revue d'Histoire et de Litterature religieuse. Въ Demain трактовались съ большою компетентностью соціальные, а также относящіеся къ католицизму научные вопросы, но послѣ публикаціи Syllabus'a онъ объявилъ, что изъ уваженія къ власти складываетъ оружіе. Журналъ Quinsaine подъ опытнымъ редакторствомъ извѣстнаго философа Георгія Фонсегрива, имѣлъ характеръ чисто литературный, съ широкимъ кругозоромъ дававшей на своихъ страницахъ мѣсто преніямъ на весьма щекотливыя темы. Особый шумъ произвели въ католическомъ лагерѣ статьи, публикуемая Руа о природѣ и сущности догмата. Фонсегривъ также удалился съ поля битвы, потому что идеалъ Пія X не въ томъ, чтобы направить церковь къ обществу и обновить ее соприкосновеніемъ съ нимъ, но въ томъ, чтобы отдѣлиться отъ общества и ретироваться съ оружіемъ и обозомъ на вершины. Revue d'Histoire et de Litterature воодушевлялась непосредственно знаменитымъ французскимъ экзегетомъ Луази и отличалась своимъ доктринальнымъ радикализмомъ. Въ 1907 г. смѣлость ея дошла до крайнихъ предѣловъ, можетъ быть, благодаря раздраженію редакторовъ, произведенному политикою Ватикана по отношенію къ модернистамъ. Два писателя подвергали въ немъ сомнѣнію непрерывность христіанскаго преданія относительно догма-

товъ Пресв. Троицы и вѣчной дѣвственности Пресв. Дѣвы. Прекращая свою публикацію, *Revue* объявила, что „пока предпочитаетъ молчать, но ждетъ минуты, когда спокойствіе и безопасность будутъ возвращены работѣ людей науки“.

Въ Италіи покончилъ свое существованіе извѣстный флорентинскій журналъ *Studi Religiosi*, основанный проф. Сальваторе Минокки. Въ книжкѣ ноябрь—декабрь 1907 г. онъ излагаетъ исторію этого журнала въ продолженіе его семилѣтняго существованія, перечисляетъ услуги, оказанныя католической наукѣ въ Италіи и объявляетъ, что „публикація энциклики Пія Х относительно ученія модернистовъ убѣдила его, послѣ долгаго и зрѣлаго размышленія, прекратить изданіе журнала“. Но въ то же время онъ заявляетъ однако, что *Studi Religiosi* никогда ни поддерживали, ни распространяли точныхъ доктринъ, осужденныхъ энцикликой. „Этотъ журналъ, пишетъ Минокки, съ самого своего основанія имѣлъ цѣлью привить къ старому стволу католической вѣры самые вѣрные результаты современной науки. Эту главную программу не можемъ измѣнить теперь, когда энциклика осуждаетъ современную науку, которой и мы посвятили все наше дѣло какъ католиковъ. Энциклика осуждаетъ современную науку только посколькѣ она модернистская. Но гдѣ кончается дозволенная современная наука и гдѣ начинается модернистская?.. Энциклика на это не отвѣчаетъ, и намъ, желающимъ съ подобающимъ и чистосердечнымъ почтеніемъ подчиниться ея догматическому ученію, не остается ничего другого, какъ удалиться, чтобы обдумать, какъ разрѣшить задачу“.

Однако жертва, принесенная Минокки прекращеніемъ публикаціи *Studi Religiosi*, не спасла его отъ мѣропріятій папы противъ модернистовъ. Въ январѣ этого года на конференціи во Флоренціи, ученый профессоръ утверждалъ, что разсказъ книги Бытія относительно пребыванія Адама и Евы въ земномъ раю слѣдуетъ понимать только въ символическомъ смыслѣ. Флорентинская курія, по полученнымъ изъ Рима приказаніямъ, запретила ему исполненіе его священническихъ обязанностей (*suspensio a divinis*), строжайшее наказаніе для католическаго священника. Минокки такъ объяснилъ инцидентъ въ письмѣ, опубликованномъ въ газетѣ *Giornale d'Italia*: „Меня, честнаго и чистосердечнаго уче-

наго, хотѣли заставить признать послѣ столькихъ и столь рѣшительныхъ открытій антропологическихъ и историческихъ наукъ, историчность земнаго рая. Никогда, и еще разъ никогда не сдѣлаю такой низости и не поступлюсь моей католической совѣстью передъ совершенно ошибочными, какъ я навѣрное знаю, мнѣніями. Никогда не оскорблю Бога, отрекаясь отъ познанной истины въ угоду людямъ. Поэтому, какъ католикъ, уважающій желанія власти, преклоняюсь передъ рѣшеніемъ моихъ начальниковъ, не скрывая радости, что могу дать для Бога и Иисуса Христа этимъ утверженіемъ совѣсти свидѣтельство чистой истинѣ христіанства“. Комментируя прекращеніе журнала *Миночки*, одного изъ немногихъ свѣтлыхъ центровъ католическаго лагеря въ *Италіи*, *Rinnovamento* выражаетъ надежду, что антимодернистская печать не зачислитъ это прекращеніе въ число побѣдъ папы. „Злорадные, въ которыхъ нѣтъ никогда недостатка, могли бы привести извѣстное латинское изреченіе: *ubi desertuno faciunt расем appellant* (дѣлаютъ пустыню, называя это миромъ).

Но, повидимому, строгость противъ печати не остановится на вышеназванныхъ журналахъ. Другимъ публикаціямъ, подозрѣваемымъ въ модернизмѣ, предстоитъ либо исчезнуть, либо совершенно преобразоваться, принявъ традиціоналистское направленіе. Въ *Италіи* предстоитъ опасность ближайшаго конца журналамъ „Историко-критическое обозрѣніе богословскихъ наукъ“, основанному въ январѣ 1905 г. проф. Іосифомъ Буонаккорси и впослѣдствіи редактируемому проф. Эрнестомъ Буонаіуто, который считается однимъ изъ самыхъ авторитетныхъ и самыхъ ученыхъ главарей итальянскаго модернизма, и „Обозрѣніе обозрѣній для духовенства“, основанному въ *Мачератѣ* въ 1903 г. и редактированному проф. Джованни Сфорцини. Первое обозрѣніе обвиняется въ распространеніи въ *Италіи* философіи имманентности Лабертонниера и поддерживаніи радикальныхъ теорій относительно эволюціи христіанскаго догмата. Другое модернистское: 1) потому что печатаетъ сочиненія барнабита о Семеріи, считаемаго самымъ краснорѣчивымъ изъ итальянскихъ модернистовъ; 2) потому что выражалъ сомнѣнія относительно достовѣрности легенды о перенесеніи лоретскаго св. дома; 3) потому что называетъ схоластическихъ богослововъ—*кон-*

серваторами, слишкомъ упрямыми; старой чеканки, смѣло догматизирующими своими устарѣлыми программами, лишенными христіанской любви (1). Эти интеллектуальныя заблужденія, по мнѣнію антимодернистовъ, представляютъ достаточныя причины, чтобы осудить католическій журналъ, какъ *соблазнительное чтеніе* для молодого духовенства (2).

Во Франціи другимъ двумъ журналамъ, не менѣе серьезнымъ по печатающимся въ нихъ статьямъ, предстоятъ тяжелые дни, ибо оба подозрѣваются въ модернизмѣ. Одинъ *Annales de philosophie chrétienne*, извѣстное философское обозрѣніе, существующее уже 80 лѣтъ. Редакторъ его священникъ Лабертонниеръ, философская система котораго, называемая философіей имманентности или моральнаго догматизма, осуждена Syllabus'омъ и энцикликой. Лабертонниеръ вполне подчинился. По случаю энциклики *Annales* публиковали полное согласіе съ указаніями духовной власти и порицаніе всѣхъ осужденныхъ ею теорій. Но журналъ, ради ли его редактора, или ради его современныхъ философскихъ тенденцій—изъятъ изъ семинарій, и духовная власть, не сегодня завтра, найдетъ предлогъ, чтобы его прекратить. Та же участь ожидаетъ *Revue du clergé français*, который былъ очень въ ходу среди членовъ молодого духовенства. О нѣмецкихъ журналахъ, какъ *Hochland*, *zwanzigstes Jahrhundert* и др. нечего и говорить, что они въ одинъ прекрасный день будутъ поражены отлученіемъ, какъ миланскій *Rinnovamento*.

Итакъ первымъ результатомъ энциклики была смерть нѣсколькихъ журналовъ, которые, несмотря на ихъ новаторскія идеи, пользовались славой высокаго научнаго значенія. Но значительное число модернистовъ, какъ священниковъ, такъ и мірянъ, не были такъ послушны предписаніямъ Пія X, какъ ожидалось отъ нихъ. Такъ какъ тонъ энциклики былъ полемическій, они захотѣли полемизировать съ папой и доказать ему, что модернизмъ совсѣмъ не синтезъ всѣхъ ересей, но католицизмъ будущаго. Самый важный документъ этой папско-модернистской полемики — *Программа модернистовъ* или отвѣтъ на энциклику Пія X *Pascendi Dominici gregis*, опубликованная въ Римѣ въ 1908 г. интернациональнымъ научно-религіознымъ издательскимъ Обществомъ, которое можно бы назвать *Академіей наукъ модернизма*. Не-

смотря на угрожаемое папой отлученіе отъ церкви авторовъ и читателей Программы модернистовъ, она разошлась такъ быстро, что въ нѣскольکو дней итальянское изданіе было расхвачано и въ настоящее время въ продажѣ существуютъ только еще французское и англійское, это послѣднее съ предисловіемъ Лилле, англиканскаго пастора въ Лондонѣ. Программа модернистовъ—работа пяти, шести священниковъ, сильныхъ полемистовъ, оставшихся анонимными, хотя и декретъ отлученія приказывалъ имъ открыть имена папѣ.

Публикація этой контръ-энциклики, пишетъ монсиньоръ Альбертъ Эргардъ, профессоръ исторіи при страсбургскомъ университетѣ,—фактъ, которому, не исключая янсенистскихъ споровъ, нѣтъ подобнаго во всей исторіи современнаго католицизма. Замѣчательно, что анонимные редакторы этого отвѣта не только упрекають энциклику въ неточности изложенія модернистскихъ теорій, но стараются выставить богословскія ошибки, содержація въ ней. Въ отвѣтѣ говорится о многочисленныхъ ошибкахъ и невѣрностяхъ, разсѣянныхъ въ энцикликѣ Пія X, редакторы которой составляли синтезъ модернизма, представляющій силовныя преувеличенія. Модернисты хотять только перенести зданіе вѣры съ шаткаго основанія антикритической экзегетики на твердое основаніе чѣловѣческаго духа и житейскихъ потребностей, отъ которыхъ проистекаетъ исторія христіанства (стр. 19). Они стараются отвѣтить на явственную потребность религіознаго чувства, которое безпрестанно ищетъ въ новыхъ формахъ мысли сохранить свою силу среди людей (стр. 21). Далекіе отъ того, чтобы обладать положительнымъ синтезомъ своихъ теорій, какъ предполагаетъ энциклика, они усердно стараются утилизировать результаты критики, чтобы достичь болѣе истинной концепціи католицизма (стр. 23). Редакторы антиэнциклики не ограничиваются защитой противъ *фальшивыхъ и тенденціозныхъ обвиненій энциклики* (откладываемъ до другой статьи анализъ научной части документа), но даже переходять непосредственно въ наступательное движеніе, доказывая, что многія утвержденія, осужденныя ею какъ ошибочныя, представляютъ наоборотъ ученіе католическаго преданія (стр. 117). Доказываютъ затѣмъ, что существующій въ католической мысли кризисъ, не есть кризисъ частный, относительно одного извѣстнаго догмата, но кризисъ общій, отно-

сящійся къ тому, какое положеніе слѣдуетъ занять по отношенію къ традиціональному понятію объ откровеніи и сверхъестественномъ (стр. 123). Въ этомъ кризисѣ нечего бояться раскола или ереси. Изъ исторіи церкви видно, что доктринальные кризисы легче разрѣшаются, если они имѣютъ характеръ общій, нежели если относятся къ одному особенному пункту догматики (стр. 126).

Антиэнциклика строго критикуетъ дисциплинарную часть энциклики Пія Х. „Несмотря на то, что мы расположены принять со спокойствіемъ слова первосвященника, мы никакъ не можемъ видѣть въ этихъ дисциплинарныхъ мѣрахъ кроткій и спокойный духъ, который долженъ бы быть въ сердцѣ того, у кого на устахъ имя Христа. Такія дисциплинарныя мѣры представляютъ максимумъ строгости и суровости, которыхъ новые, уже нетиранническіе, нравы XX вѣка не могутъ болѣе терпѣть. Въ нѣкоторыхъ частностяхъ они являютъ даже крайности средневѣковой инквизиціи, доходятъ до такъ часто осуждаемыхъ заблужденій Юліана Апостата, который изгонялъ изъ школъ христіанскихъ учителей“ (стр. 128). Авторы антиэнциклики порицаютъ то, что папа предписываетъ относительно молодыхъ модернистовъ духовенства, т. е. лучшихъ силъ по охотѣ и способности къ работѣ, которые согласно энцикликѣ будутъ доведены до полной непроизводительности своихъ способностей, поставлены на самыя низкія должности, преданы презрѣнію своихъ сотоварищей, менѣе способныхъ, но болѣе низкихъ и податливыхъ. Дисциплинарныя мѣры энциклики „противны основнымъ принципамъ каноническаго права, потворствуютъ доносамъ, роняютъ авторитетъ ревизоровъ, возобновляютъ самыя нестерпимыя злоупотребленія среднихъ вѣковъ, оскверняютъ католическую печать, словомъ, если не свидѣтельствуютъ въ пользу благородства душъ тѣхъ, кто ихъ прималъ, то показываютъ, сколько напраснаго страха модернизмъ возбудилъ въ высшихъ слояхъ іерархіи“. (стр. 129).

Заключеніе документа чрезвычайно важно и заслуживало бы быть приведеннымъ цѣликомъ, чтобы освѣтить природу и значеніе кризиса католицизма на западѣ. Редакторы антиэнциклики доказываютъ, что серьезный душевный кризисъ волнуетъ въ Европѣ христіанскія вѣроисповѣданія, лютеранство, англиканство и католичество. Новыя направленія

общественной совѣсти не согласуются съ традиціональными положеніями религіознаго духа. Въ католицизмѣ, благодаря его старѣйшинству и благодаря элементамъ средневѣковой культуры, сохранившимся въ немъ въ большей мѣрѣ, отъзываются съ большей силой потуги и боли этого кризиса. Онъ не можетъ быть разрѣшимъ бесплодными словами осужденія и анаемы. Папа осуждаетъ съ необыкновенной строгостью науку и современную апологію и это зависитъ отъ вполнѣ объяснимаго незнанія моральной эволюціи современнаго общества, отъ чистосердечнаго презрѣнія, питаемаго членами іерархіи къ современной культурѣ и отъ ихъ непомѣрной гордости своимъ средневѣковымъ богословскимъ образованіемъ. Члены іерархіи представляютъ живой анахронизмъ; живутъ въ соприкосновеніи съ современнымъ міромъ, не понимая его стремленій, его рѣчи, его идеаловъ (стр. 131). Противъ нихъ модернисты хотятъ, вооружившись *любимымъ насиліемъ*, защитить католическую традицію. Они вѣрятъ въ будущее, и эта ихъ вѣра доставляетъ имъ эпитеты гордецовъ, упрямыхъ, враговъ креста. Они убѣждены въ своей апостольской дѣятельности, а въ вознагражденіе за свои труды имъ достались не почести, а моральное и матеріальное гоненіе, разочарованія и тяжелая борьба. Но ихъ поддерживаетъ то, что они помнятъ настоятельную евангельскую заповѣдь—умѣть во время пожертвовать всѣмъ самымъ дорогимъ, лишь бы только способствовать наступленію царствія Божія. Временное осужденіе такихъ усилій ихъ не страшитъ. Если бы официальная церковь оттолкнула ихъ самымъ жестокимъ и энергичнымъ образомъ (что уже послѣдовало чрезъ ихъ отлученіе), они останутся съ совершенно спокойной совѣстью, помня слова св. Августина, что „часто божественное Провидѣніе дозволяетъ, что даже примѣрныя личности изгоняются изъ христіанской общины по причинѣ мятежныхъ козней слишкомъ плотскихъ людей“. Затѣмъ редакторы антиэнциклики намѣчаютъ программу, которой католицизмъ долженъ слѣдовать, чтобы „не быть завоевательной силой или простымъ инстинктомъ самосохраненія, чтобы избавиться отъ проникнутыхъ въ него зародышей угрожающаго разложенія, чтобы не свести свое назначеніе къ подозрительному надзору надъ простой и грубой вѣрой своихъ немногихъ оставшихся послѣдователей“ (стр. 7).

Они хотѣли бы прежде всего, чтобы церковь отказалась отъ политическаго вмѣшательства, удалилась въ сферу своей духовной власти, не добивалась больше жалкихъ остатковъ потерянной власти, не дѣлалась союзницей маленькихъ и одряхлѣвшихъ олигархій, которыя навязываютъ ей обычаи, не согласующіеся съ современными понятіями, не превращалась снова въ бюрократію, ревниво охраняющую свои оставшіяся права и мечтающую возвратитъ потерянные, въ классъ инертныхъ людей, которые, посвятивъ себя священству, т. е. апостольской жизни, послѣ достиженія высшихъ степеней іерархіи, пользуются богатыми пребендами“. „Чтобы уничтожить эти печальныя условія, мы не находимъ другого, болѣе дѣйствительнаго средства, какъ отдѣленіе церкви отъ политической дѣятельности, возвращеніе къ простой жизни, открывающей церкви доступъ въ демократію и дающей ей возможность внести въ эту послѣднюю сокровища религіозности, которыя христіанское преданіе накопило въ ея лонѣ. Прочъ всякое напрасное политическое желаніе; прочъ всякое стремленіе возстановитъ гражданскую власть, которую пользовалась церковь въ средніе вѣка. Церковь должна чувствовать влеченіе къ тѣмъ еще безсознательно-религіознымъ влеченіямъ, которыя способствуютъ возвышенію демократіи, и должна найти способъ слиться съ ней и честно признать, что въ демократіи готовится именно болѣе высокое утвержденіе ея католичества“ (стр. 124).

Программа модернистовъ предлагаетъ пересмотръ догматическихъ и каноническихъ ученій римскаго католицизма и ея сильныя выраженія, изложеніе ея требованій и ея рѣзкая критика папской энциклики произвели величайшій соблазнъ въ рядахъ католическихъ консерваторовъ. Такъ *Civiltà Cattolica* выражается слѣдующимъ образомъ: „Актъ возмущенія совершенъ. Шесть анонимныхъ писателей, какъ говорятъ, священниковъ, и къ нашему вящему стыду—итальянцевъ, давно готовяли его втайнѣ, потомъ шумно объявили его въ своей либеральной и безвѣрной печати, наконецъ, привели его въ дѣйствіе при свѣтѣ дня, но скрывая свои имена во мракѣ. Чтобы увеличить соблазнъ и сдѣлать его громгласнѣе, они присоединили къ нему лицемѣріе еписарха Апостата, съ безумной, надменной и, если бы не была слишкомъ безнравственной, безконечно смѣшной самонадѣян-

ностью они подняли дерзкую голову противъ Намѣстника Іисуса Христа, дерзая порицать его, становиться его судьями, осуждать его, предавать его порицанію вселенской церкви, занять его мѣсто въ апостольскомъ ученіи передъ христіанскимъ народомъ. Соблазнъ и безуміе невѣроятные, не имѣющіе себѣ подобныхъ въ исторіи“ (16 ноября 1907 г.). Кромѣ того, декретомъ отъ 29 октября 1907 г, подписаннымъ кардиналомъ Петромъ Респиги, объявлялось, что авторы, сочинители и сотрудники отвѣта на латинскую энциклику подвергаются непосредственно отлученію отъ церкви, право которой принадлежитъ лично папѣ. Священникъ, который, пораженный этимъ отлученіемъ, исполнилъ бы какой-нибудь актъ священнической обязанности, навлекаетъ на себя каноническую незаконность или неспособность исполненія какой бы ни было священной обязанности.

Изъ всѣхъ сужденій, выраженныхъ по поводу энциклики, замѣчательны мнѣнія трехъ главъ модернизма. Тирреля въ Англіи, Луази во Франціи и Мурри въ Италіи. Выступивъ изъ ордена іезуитовъ, Тиррель почти совершенно покинулъ свои философскія и мистическія изученія, чтобы вполне отдаться полемикѣ. Въ настоящее время онъ принялъ положеніе врага духовнаго первенства папѣ. Въ модернистскомъ журналѣ *Nova et Vetera*, вышедшемъ въ Римѣ въ январѣ 1908 г. (декретъ Ватикана поразилъ вслѣдъ за его появленіемъ всѣхъ тѣхъ, кто печатаетъ или велитъ печатать, читаетъ или продаетъ этотъ журналъ, отлученіемъ, духовные какого бы то ни было ордена, которые его выписываютъ, отрѣшаются отъ священническихъ обязанностей), вышла статья Тирреля, содержащая слѣдующую діатрибу противъ папства: „Вѣрное свидѣтельство исторіи указываетъ намъ на Ватиканъ, какъ на постоянный источникъ нравственнаго соблазна для свѣта. Папы смѣняются, но Ватиканъ со своимъ духомъ свѣтскости, интригъ, честолюбія, не говоря о худшемъ, сдѣлалъ больше зла своимъ примѣромъ, нежели добра своей службой управленія церковью. Кто когда либо шелъ въ Ватиканъ, чтобы изучить христіанство въ его чистѣйшей формѣ? Въ немъ царитъ духъ придворничества, который дѣйствуетъ на воображеніе вульгарной публики; и въ немъ есть духъ безнравственности, который поражаетъ духовное и религіоз-

ное чувство всѣхъ людей съ доброй волей. Римская церковь уже много вѣковъ назадъ потеряла свой религіозный авторитетъ, сохранивъ до сихъ поръ то юридическое первенство, которое она завоевала себѣ вмѣсто прежняго духовнаго первенства. И такъ какъ можно бы было возразить Тиррелю, что первая обязанность добраго католика—послушаніе, несопротивленіе власти, онъ объявляетъ, что „были папы свѣтскіе и невѣрующіе, противиться которымъ—святая обязанность cadaго. Но можно еще представить себѣ папу не свѣтскаго и религіознаго, но по несчастію такъ мало освѣдомленнаго, обманываемаго своими совѣтниками, такъ далекаго отъ того, чтобы подозрѣвать истинную опасность церкви (Тиррель этими словами намекаетъ на Пія Х), что слушаться его приказаній тоже самое, что не исполнять его самыхъ душевныхъ желаній и стремленій... Впрочемъ, Христось не строгостью угрозъ и не анаемой заставлялъ людей любить себя и исполнять свои заповѣди“ ¹⁾. Свое мнѣніе объ энцикликѣ Тиррель выразилъ въ двухъ письмахъ, помѣщенныхъ въ Times и переведенныхъ на итальянскій языкъ жураломъ Rinnovamento. Эксъ-іезуитъ увѣряетъ, что при чтеніи обвинительной рѣчи папы противъ модернистовъ испытываешь чувство крайняго удивленія; такъ какъ ему не удается побороть теоріи модернистовъ схоластическими аргументами, онъ приводитъ въ движеніе весь механизмъ духовныхъ понудительныхъ мѣръ. Если мѣропріятія Пія Х, пишетъ Тиррель, будутъ примѣнены съ успѣхомъ, что трудно предположить, то можно опасаться, что модернизмъ, о поразительной энергіи, многосторонности и распространеніи котораго нехотя свидѣтельствуешь сама энциклика, попросту будетъ загнанъ во тьму катакомбъ, чтобы тамъ окрѣпнуть и вырости и затѣмъ въ одинъ, не слишкомъ далекій, день вырваться со всей назрѣвшей силой. Несмотря на песчаную плотину, потокъ ворвется и не тихо, а съ порывомъ удвоенной силы. „Нападки, сарказмы и сатиры не привлекутъ людей благочестивыхъ и набожныхъ къ религіозной системѣ, которой, повидимому, необходимо свѣтское оружіе, чтобы поддержать себя. Сухой интеллектуализмъ и гордый антагонизмъ противъ всякаго религіознаго

¹⁾ Nova et Vetera, 1908 г., 5, стр. 147.

опыта и единеніе съ Богомъ, которые воодушевляють энциклику, оттолкнуть симпатію многихъ, которые чувствовали притяженіе къ католической церкви, какъ къ матери святыхъ и мистиковъ“.

Кто ею будетъ доволенъ—это скептики, „которые увидятъ въ ней новое доказательство внутренняго абсурда католицизма“. Энциклика содержитъ окончательное отверженіе того, что современная мысль считаетъ своимъ лучезарнѣйшимъ завоеваніемъ и, конечно, не поощритъ довѣрія правительствъ къ представителямъ папы, чтобы поручить имъ контроль надъ публичнымъ воспитаніемъ“. Ея достоинство состоитъ въ томъ, что она представила удивленному обществу послѣдніе логическіе выводы какъ практическіе, такъ и спекулятивные, схоластическаго богословія во всей ихъ отвратительной наготѣ. „Модернизмъ пріобрѣлъ въ ней то, чего желалъ и надѣялся, т. е. ясное и рѣшительное доказательство бесполезности вливать вино въ старые мѣхи, и попытки заключить опыты XX вѣка въ категоріи тринадцатаго, и невозможности соглашенія съ мертвой и погребенной эпохой“. По мнѣнію Тирреля энциклика представляетъ возвеличеніе принциповъ абсолютизма и централизаціи римской куріи, общую сложность дисциплинарныхъ мѣръ Пія X и его непосредственнаго *entourage*, продуктъ *rabies theologorum*: чтобы поборотъ модернизмъ, Пій X вооружается камнемъ и скорпіономъ, и его методы вызвуть и усилятъ антипатію образованныхъ классовъ къ церкви.

Еще серьезнѣе сужденія аббата Альфреда Луази, знаменитаго французскаго экзегета, который популяризировалъ во Франціи радикальные выводы нѣмецкой раціональной экзегетики. Извѣстно, что многія предложенія Syllabus'a были цѣликомъ взяты изъ сочиненій Луази и что энциклика Пія X главнымъ образомъ громить его. На нападки Священнаго Суда и энциклики Луази отвѣтилъ книгой: *Simplex réflexions sur le décret du Saint—Office: Samentabili sane exitu, et sur l'Encyclique: Pasceudi Dominici gregis*. Книга произвела шумъ, какъ и предыдущія сочиненія ученаго французскаго аббата: *L'Évangile et l'Église* и *Autour d'un petit livre*. Согласно журналу *Nova et Vetera* Луази былъ „первымъ и самымъ проникательнымъ изъ модернистовъ, потому что модернизмъ ро-

дился именно въ тотъ день, когда душа священника, воспринявъ всѣ результаты самой радикальной критики, не дезертировала съ католическаго лагеря, какъ Ренанъ, но крѣпче прилѣпилась къ религиозной вѣрѣ, какъ къ натуральному и неизбѣжному объясненію христіанскаго духа“. Какъ перваго инициатора интеллектуальнаго возмущенія модернизма и агитатора совѣстей, его поразило самое строгое отлученіе, которымъ римская церковь поражаетъ еретиковъ: декретъ святой римской и вселенской инквизиціи отлучаетъ его *по-именно* и *лично* отъ церкви и потому обязываетъ всѣхъ вѣрующихъ не имѣть съ нимъ сношеній: *excommunicatus vitandus*. Причина такого осужденія въ томъ, что Луази упорно продолжаетъ распространять и печатать книги, подтачивающія главныя основы христіанской вѣры: *quae ipsamet fidei christianaе potissima fundamenta subvertunt*.

Луази приводитъ выдержки изъ своихъ сочиненій и текстъ предложеній, содержащихся въ Syllabus'ѣ Пія Х, чтобы доказать, что его мысли и выраженія нарочно исказили и перековеркали. Энцикликъ удалось склеить въ одно различные отрывки модернистскихъ писателей, однако не объясняя ихъ смысла и не опредѣляя ихъ синтеза. Онъ громко протестуетъ „противъ нападки Пія Х, недостойной серьезной полемики, еще болѣе недостойной наставленія, торжественно обращеннаго преемникомъ Петра къ преемникамъ апостоловъ“. Онъ особенно настаиваетъ на томъ, чтобы очистить себя отъ обвиненія въ гордости, приписываемаго модернистамъ. Обращаясь непосредственно къ папѣ, онъ восклицаетъ: „Святѣйшій отецъ, если священники модернисты дѣйствительно худшіе враги церкви, если они упорствуютъ въ заблужденіи и продолжаютъ упрямо распространять его, то не на низшія мѣста ихъ нужно сажать, но выгнать прочь изъ церкви. Но если Ваше Святѣйшество имѣетъ право отлучать, то не имѣетъ права оскорблять ихъ... Если бы пишущій былъ тѣмъ гордецомъ, о которомъ Вы говорите, онъ не остался бы въ церкви, чтобы претерпѣвать униженія въ теченіе пятнадцати лѣтъ и которымъ Ваше Святѣйшество дало послѣдній ударъ. Можетъ быть, между нами нашелся бы не одинъ, который могъ бы отвѣтить Вамъ: мы отказались отъ всего, исключая своей совѣсти. Если Вамъ угодно поразить насъ, не примѣшивайте оскорбленій къ нашей винѣ“. Со-

гласно Луази, Энциклика Пія Х отказывается во всякой уступкѣ современному духу, современному обществу, современной наукѣ, объявляетъ полный разладъ между ними и церковью. Вѣра и католическія учрежденія, по мнѣнію главы католицизма, не должны и не могутъ примириться съ современными мыслью и обществомъ. „Не время разбирать взаимныя ошибки, которыя вызвали разладъ, окончательно утвержденный папой. Время—тотъ великій учитель, безъ котораго ни одна истина не приноситъ плода въ мірѣ. Было бы ошибочно отчаяваться какъ въ нашей культурѣ, такъ и въ церкви. Но, безъ сомнѣнія, нельзя съ пользой говорить объ ихъ соглашеніи, если онѣ поворачиваютъ другъ другу спины“.

Гораздо умѣреннѣе въ своихъ выраженіяхъ Ромуль Мурри, потому что, по его словамъ, энциклика никакимъ образомъ не поражаетъ его, и онъ даже не можетъ имѣть затрудненія признать ея сущность, хотя на немъ и лежитъ подозрѣніе и обвиненіе въ модернизмѣ. „Энциклика, безспорно, документъ чрезвычайно важный, потому что римская церковь возложила на нее всю тяжесть своего авторитета, выказывая въ то же время раздраженіе и глубокую озабоченность, присущія часто богословскимъ диспутамъ, но необычныя въ доктринальныхъ документахъ высшаго авторитета. Она представляетъ попытку римской церкви изгнать чуждую и враждебную философію, которую считаютъ угрожающей и даже разрушающей до основанія вмѣстѣ съ традиціональной философіей христіанской мысли и самыя основы католическаго догмата“¹⁾.

Мурри помѣстилъ это сужденіе въ *Rinnovamento*, который напечаталъ въ томъ же номерѣ рѣзкую діатрибу противъ энциклики Иджино Петроне, ординарнаго профессора моральной философіи неаполитанскаго университета. Этотъ послѣдній увѣряетъ, что энциклика *Pascendi* разрушила послѣднюю иллюзію тѣхъ, которые надѣялись среди раздраженія нынѣшняго кризиса услышать спокойный и умѣренный голосъ. Съ теоретической точки зрѣнія она выказываетъ

¹⁾ Новая философія и энциклика противъ модернизма, Римъ, 1908 г., стр. 20

чрезвычайно сомнительное доктринальное знаніе, а съ точки зрѣнія практической представляетъ начало весьма печальныхъ страницъ въ исторіи церкви. Предложенныя въ ней дисциплинарныя мѣры имѣють характеръ сектаторскаго гоненія, и каждый христіанскій умъ обязанъ протестовать противъ такого постыднаго рабства, гнетущаго головы изучающаго духовенства. Результаты энциклики будутъ печальны. Дѣятельность многихъ будетъ на время парализована; Церковь потеряетъ многія симпатіи; многія души, бывшія или казавшіяся приблизившимися къ ней, отшатнутся съ подозрительной озабоченностью; сила пронизательности церкви сократится и убавится. Энциклика поддерживаетъ легенду, что католицизмъ пригоденъ теперь только для тупоумныхъ и рабскихъ душъ ¹⁾).

Чтобы понять идеалы модернизма, слѣдовало изучить то положеніе, которое онъ принимаетъ по отношенію къ папской энцикликѣ. Мы постарались сдѣлать это, вопрошая и приводя отвѣты тѣхъ, которые на западѣ считаются главами модернистовъ. Въ настоящую минуту расколъ между римской церковью и модернизмомъ открылся, но этотъ расколъ носить особенный характеръ, который еще не позволяетъ намъ дѣлать предсказанія на счетъ его исхода. Между старымъ католицизмомъ и новокатолицизмомъ существенная разница, хотя и тотъ и другой по различнымъ причинамъ берутъ начало отъ реакціи противъ Syllabus'a Пія IX и опредѣленій Ватиканскаго собора. Старый католицизмъ съ самаго своего появленія отдѣлился отъ римской церкви и образовалъ отдѣльную религіозную общину, которая, лишенная организаціи и ограниченная только образованными классами, не могла надѣяться на широкое распространеніе. Новокатолицизмъ представляетъ, наоборотъ, движеніе протеста противъ доктринальной и дисциплинарной системъ римской церкви, но это движеніе, судя, по крайней мѣрѣ, по тому, что говорятъ модернисты, не приняло характера сепаратистскаго или, по выраженію римскихъ богослововъ, раскольничаго. *Civiltà Cattolica* полагаетъ, что послѣдователи Луази и другихъ модернистовъ выходятъ изъ общенія съ церковью и даже всякой формы историческаго христіанства, дѣлаются

¹⁾ *Rinnovamento*, 1907 г., II, стр. 322—344

вѣроотступниками и невѣрными (21 марта 1908 г.). Модернисты увѣряютъ обратное и, хотя Римъ ихъ презираетъ и поражаетъ своими отлученіями, они хотятъ остаться членами церкви, чтобы обновить ее, потому что, покидая ее, они способствовали бы ускоренію ея одряхлѣнія. „Ни одинъ модернистъ, пишетъ о. Тиррель, понимающій логику своего положенія, гордящійся духовнымъ значеніемъ своей рѣчи,..... не можетъ быть отдѣленъ отъ католицизма никакимъ актомъ юридическаго насилія, жертвой котораго онъ бы могъ стать. Его вѣра не есть нѣчто такое, что въ одинъ моментъ можетъ быть уничтожено по слову разгнѣваннаго епископа. Выходя изъ католицизма, онъ этимъ самымъ, казалось бы, допускаетъ, что правы клеветники, увѣряющіе, что католицизмъ связанъ по рукамъ и ногамъ своей средневѣковой организаціей, что папа не имѣетъ обязанностей, а народъ правъ и отказался бы отъ того, что считаетъ истиной въ тотъ самый моментъ, когда она дѣлается жертвой измѣны“¹⁾.

Въ модернистскомъ вопросѣ духовная власть невѣрно поняла ученіе модернистовъ и поэтому эти послѣдніе не могутъ считаться отдѣленными отъ католицизма чрезъ осужденіе римской церкви. Типиченъ примѣръ, приведенный Тиррелемъ для доказательства своей теоріи. Капитанъ корабля, ложно освѣдомленный своими совѣтниками, направляетъ судно, полное пассажировъ, на подводныя скалы. Одинъ изъ пассажировъ, замѣчая опасность, начинаетъ кричать, несмотря на угрозы и упреки капитана и всей толпы, которую онъ хочетъ спасти и которые называютъ его совратителемъ, мятежникомъ, обманщикомъ. Развѣ можно сказать, что онъ заслужилъ эти оскорбленія и угрозы?... Модернисты именно хотятъ избѣгнуть того, чтобы корабль римской церкви разбился о скалы и потому кричатъ объ опасности, но не хотятъ выйти изъ корабля, въ который вошли.

Какъ бы то ни было насчетъ этого примѣра, но римская церковь ясно объявляетъ, что модернисты не принадлежать къ ея членамъ. Но такъ какъ чрезвычайно трудно провести твердо опредѣленныя границы модернизма, то модернисты будутъ продолжать называться римскими католиками. Самые беспокойные изъ нихъ или скорѣе самые дѣятельные и рев-

¹⁾ Rinnovamento, 1907 г., II, стр. 384

ностные будутъ отлучены, но существуетъ громадное число молодыхъ священниковъ, которые въ глубинѣ сердца модернисты по убѣжденію и симпатіямъ. Эти священники имѣютъ большое вліяніе на образованное юношество и подготавливаютъ такимъ образомъ свѣтское модернистское общество. Поэтому намъ кажется, что модернистское движеніе не можетъ быть остановлено, а если его сдавить, то оно съ теченіемъ времени пріобрѣтетъ больше силы. Это движеніе есть и будетъ революціонернымъ движеніемъ въ лонѣ католицизма, и будущее скажетъ намъ, какія послѣдствія оно будетъ имѣть для религіознаго духа на западѣ. Въ настоящій моментъ мы можемъ только сказать, что оно представляетъ болѣе или менѣе открытое возмущеніе противъ централизаціи католицизма въ Римѣ, противъ высшей власти папы и противъ епископскаго абсолютизма. Оно представляетъ усиліе низшаго духовенства выйти изъ своей пассивной роли и принять вмѣстѣ съ мірянами болѣе дѣятельное участіе въ управленіи католической церкви. Такое, скажемъ, республиканское преобразование католицизма не можетъ совершиться безъ полнаго пересмотра его догматическихъ и дисциплинарныхъ принциповъ, а поэтому модернисты проповѣдуютъ теорію эволюціи, которая даетъ возможность церкви обновиться согласно требованіямъ времени и цивилизаціи. Эта теорія въ настоящую минуту торжественно осуждена Ватиканомъ. Модернисты же убѣждены, что въ будущемъ она восторжествуетъ. Не знаемъ, будутъ ли ихъ надежды оправданы или опровергнуты фактами, но для насъ ясно, что модернизмъ будетъ имѣть рѣшающее вліяніе на будущую участь католицизма въ Европѣ.

С. Братковъ.
